

ОТКРЫТАЯ

встреча

Приложение
к газете

31

— Я не хочу ничего знать о советских репрессиях, потому что это тяжело. Что было, то прошло. Зачем бередить старые раны, какой смысл?

О. Георгий: Можно ничего не знать, но тогда зло и грех, которые господствовали какое-то время в той или иной форме, могут повторить своё действие уже в Вашей судьбе, в Вашей жизни. Невежество никогда не приводит человека к добру. Многие люди в 20-е, 30-е, 40-е, 50-е, 60-е годы тоже не хотели ничего знать о злоключениях своих соседей, родных, близких или просто своего народа. Они хотели жить удовольствиями, внешней любовью, успехом, красовались собой, своими трудовыми достижениями, строили свою личную жизнь, но делали это вольно или невольно за счёт других, не понимая, что на чужом несчастье своего счастья не построишь. Поэтому если мы хотим, чтобы в нашей стране не повторялись лихие дни, если мы хотим, чтобы тоталитарная система и всякое зло, уничтожающее личность, культуру и историю народа, да и сам народ, не возродились, то мы должны заботиться о памяти, потому что человек, не помнящий прошлого, не может жить как следует в настоящем или строить хоть какое-либо достойное будущее.

— Почему о Христе говорится, что Он «муж скорбей, издевавший болезни»? Если Ему это предназначено, то и нам тоже?

О. Георгий: На Христе исполняются «Законы и пророки», в частности, и то пророческое слово, которое говорит о «муже скорбей, издевавшем болезни», т.е. боль и страдание. Христу это предназначено в силу Свободы, в силу той Любви, которую Он принёс нам всем. И если Он, любя ближних, отдавал Себя, если Он свободно это делал, если Он при этом не боялся ничего, не испытывал страха, в том числе и перед смертью, и скорбями, и болезнями, то и для нас это будет неизбежно, если мы хотим жить в божественной Любви и божественной Свободе. Господь говорит: «Меня гнали, и вас будут гнать». И апостолы говорят: «Каждый, кто хочет жить благочестиво, будет гоним». Это неизбежно. Тут надо выбирать — или внешнее счастье и благополучие, но за счёт других людей, когда человек способен идти по трупам, способен жить за счёт других, ведя себя недостойно и потребительски, или человек

ЧТО ТАКОЕ БОГООСТАВЛЕННОСТЬ?

На вопросы «открытых встреч» отвечает свящ. Георгий Кочетков

Фрагмент мозаики «Преображение Господне» (мозаичист Александр Корнаухов)

забудет себя, отвергнется себя, возьмёт свой крест и последует за Христом.

— Ещё о Христе говорится, что Он трости не преломит, льна не угасит. Что это значит в нашей жизни?

О. Георгий: Речь здесь идёт о кротости и смирении. Люди сейчас очень боятся этих вещей, потому что видят в них некую пассивную позицию, как бы уступку злу. Но на самом деле речь в Писании идёт о силе, заключённой в том,

чтобы не выпячивать себя, а делать дело Божье независимо от всех препятствий, которые будут воздвигать злые силы в нас самих или вокруг нас. Да, в каждом человеке ещё не преодолены до конца те или иные греховные тенденции, злые настроения и духи. И нам надо помнить, что мы не должны пробивать, проламывать свои методы, своё понимание, своё видение в жизни; мы не должны действовать любой ценой во имя своё. Но мы должны следовать за Христом, при этом так, как это делал Он Сам — с одной стороны, очень дерзновенно, смело, открыто и мужественно, с другой стороны — очень смиренно, так, чтобы и льна курящегося не погасить, и тростника надломленного не переломить, чтобы можно было восстанавливать то, что хотя бы частично сохранилось в нас и в других, чтобы не убивать то, что лишь отчасти повреждено грехом в душе человека, в его жизни. Ведь мы знаем и по себе, как непросто нам бывает в этом мире, лежащем во зле.

— Что такое богооставленность? Зачем Бог оставляет человека, в каких обстоятельствах?

О. Георгий: Богооставленность возникает из великой жертвенности. Величайшая жертва Христа привела Его на крест. Как может сочетаться сила Божья со смертью? Смерть — это последний величайший враг Бога, как сказано в Писании. Поэтому, когда смерть приближается ко Христу, но смерть добровольная, смерть спасительная, Христос чувствует, что вместе со смертью приближается страшная тьма, страшная мгла, страшная пустота этой смерти, т.е. то, что называется в Писании богооставленностью. Бог как бы оставляет Иисуса, хотя Он всегда рядом с Ним и в Нём Самом. Но нужно принять до конца скорби и страдания, и чтобы принять их серьёзно, надо не испугаться и короткого мига богооставленности. Христос умирает, но восстаёт из гроба, потому что Он не испугался смерти и пустоты. Он готов был пройти через ад, через эту тьму, для того, чтобы выйти на свет и вывести на свет всё человечество и весь Божий мир, который готов служить Богу, готов отдать ради Бога самоё себя и тем самым обрести спасение и преобразование.

Память о новомучениках

28 июня в Дивеевском монастыре завершила свою работу VI Международная научно-богословская конференция «Наследие преподобного Серафима Саровского и будущее России», начавшаяся 25 июня в Санкт-Петербурге. Организаторами конференции стали Фонд прп. Серафима Саровского, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургская митрополия Русской Православной Церкви, Санкт-Петербургская духовная академия при участии Российской академии наук, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Нижегородской епархии Русской православной церкви, Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального мужского монастыря, Фонда «Память мучеников и исповедников XX века». Конференция собрала более 100 участников со всех концов России и из стран ближнего и дальнего зарубежья. От Свято-Филаретовского православно-христианского института в конференции принял участие преподаватель СФИ М.И. Зельников.

В центре обсуждения стояли три темы, соответствующие названиям трёх секций: «Вклад Православной церкви в становление и развитие российского общества и государства», «Русское монашество и формирование национальной культурной традиции», «Восстановление памяти о новомучениках в церкви, обществе и государстве».

Особую церковную атмосферу на конференции создавала ежедневная совместная молитва её участников. Началась конференция с литургии в Казанском кафедраль-

ном соборе Санкт-Петербурга и завершилась литургией в Троицком соборе Дивеевского монастыря у раки с мощами прп. Серафима.

Одной из самых интересных стала секция, посвящённая памяти новомучеников, на которой были представлены новые, ранее неизвестные архивные материалы.

Из доклада ведущего научного сотрудника Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, д. ист. н. М.В. Шкаровского участники конференции узнали о знаменитых новомучениках Санкт-Петербургской епархии, связанных с братством Александрово-Невской Лавры, а также о современных проблемах подготовки канонизации новомучеников и исповедников XX в.

Псаломщица храма Феодора Стратилата д. Мартюхи (Вяземского района Смоленской обл.), д. биол. н. монахиня Ангелина (Нестерова) сделала сообщение о св. прав. Алексее Южинском (Медведкове) (1867–1934). Рассказывая о жизни отца Алексея, она процитировала его высказывание о православной жизни эмиграции: «В видимой церкви есть невидимая церковь, тайная церковь, в ней люди нищие духом, живущие благодатью и ходящие по воле Божией. Во всех приходах и во всех юрисдикциях такие люди имеются. Ими жива и эмиграция по милости Божией». Докладчица предложила конференции ходатайствовать о канонизации в РПЦ о. Алексея, уже прежде при-

численного к лику святых Константинопольским патриархатом.

О репрессиях верующих с 1918 по 1951 гг. на основании материалов Пермского государственного архива новейшей истории рассказала аспирантка кафедры новой истории Пермского государственного педагогического университета, главный специалист отдела информации, публикации и научного использования документов Пермского государственного архива новейшей истории И.С. Шилова. Докладчица указала, что хотя процесс закрытия доступа к следственным делам в архивах и начался, но пока он идет медленно, и призвала в связи с этим всех присутствующих собирать информацию о репрессированных именно сейчас: «Сейчас наступил тот период, когда еще есть возможность собрать необходимую информацию, сделать её достоянием обществу, чтобы ее проанализировать и прийти к определенным выводам. И полагаю, что на сегодняшний день институт для возрождения духовности в нашей стране может быть и должна стать РПЦ, других вариантов для развития у нас нет».

Преподаватель СФИ, кандидат физ.-мат. наук, бакалавр богословия М.И. Зельников сделал доклад об особенностях совершения богослужений по опыту новомучеников и исповедников российских. Он отметил, что в условиях прямого духовного противостояния злу богослужение исповедников веры, «приобретая значительную свободу в формах своего внешнего обрядового выражения, само становилось подвигом и с большой силой выявило духовно-смысловую основу традиционного уставного богослуже-

ния — его способность укреплять веру и собирать Церковь через чтение Священного писания и горячую проповедь, через общенародное пение и общую братскую ответственность за него и клира, и мирян. В этом отношении богослужение новомучеников и исповедников было чрезвычайно действенным, став не просто символическим, а реальным выражением приобщения верующих ко Кресту и Воскресению Христову. При этом часто исповедники веры намеренно уходили от излишней роскоши и помпезности византийского обряда, стремясь сохранить в богослужении лишь те внешние формы, которые служили исповеданию веры».

Настоятель Князь-Владимирского собора г. Санкт-Петербурга, председатель Комиссии по канонизации новомучеников, исповедников и подвижников веры и благочестия Санкт-Петербургской епархии прот. Владимир Сорокин в своем выступлении затронул важный вопрос о том, кого и при каких условиях можно назвать исповедником веры. Он также напомнил собравшимся слова исповедника веры, профессора СПбДА, в прошлом члена Псковской православной миссии, прот. Ливерия Воронова о том, что все пострадавшие за веру Христову не нуждаются в «реабилитации» государственными органами: как верные служители Божии, они должны почитаться Церковью независимо от того, какого мнения о них придерживаются государственные структуры.

Многие докладчики делились размышлениями и практическим опытом использования жизнеописаний новомучеников в духовно-нравственном воспитании детей и

Окончание на с.2

Когда после недельного отсутствия я вернулась на работу, меня засыпали вопросами: «Как отдохнули? Где были — в Швеции, Турции, Черногории?»

Ответ, что отдохнула хорошо, в Пермском крае, каждый раз вызывал некоторое замешательство. И я пыталась объяснить, зачем я туда поехала, что мы там искали — такое, чего не найдешь ни в Черногории, ни в родимой Москве.

В самом деле, что же это было?

Необходимым элементом европейского туристического этикета является рассылка родным и знакомым цветных открыток с видами тех мест, которые довелось посетить. Задаю себе вопрос: какой вид послала бы я из своей поездки? Может быть, тот, что открывается с высокой колокольни Воскресенского храма в Чердыни: одетая туманами суровая река, зеленое море тайги по обе стороны речного изгиба, простор, неяркие пастельные краски. Красиво! Но сердце шемит от этой красоты.

Чердынь — в прошлом столица древней, еще языческой Великой Перми, ныне маленький городок на севере Пермского края. До поездки я слышала о Чердыни только одно: сюда ровно 75 лет назад, летом 1934 года, был сослан Осип Мандельштам. К тому моменту он прошел ад лубянского следствия и признал свое авторство в отношении известного антисталинского стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...» Более того, на допросе он собственноручно записал весь свой «контрреволюционный пасквиль» на вырванном из тетради листке в клеточку, сохранившемся в следственном деле:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи на десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомним кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пуховые гири, верны.
Тараканы смеются глазища,¹
И сияют его голенища...*

Он наверняка знал, чем грозит ему подобное признание — вещественное доказательство контрреволюционной деятельности. Надежда Мандельштам вспоминала: «Мы никогда не сомневались, что его убьют, если узнают про стихи». И далее: «Я сердилась, что он не отрицал всего, как подобает конспиратору. Но представил себе О.М. в роли конспиратора совершенно невозможно — это был открытый человек, неспособный ни на какие хитроумные ходы»².

Благодаря отчаянной смелости Надежды Яковлевны, которая бросилась стучаться буквально во все двери, и вмешательству Бухарина и Пастернака вместо ожидавшейся высшей меры, однако, последовала сталинская резолюция: «изолировать, но сохранить». Дело приняло слишком широкую огласку, и Сталин предпочел явить милость: отложить рас-

праву, а пока отправить поэта в ссылку — в Чердынь.

И вот мы в Чердыни. Холод, морозящий дождь. Богом забытое место.

«Тюремные голоса преследовали Мандельштама: твердили о преступлении и наказании, перечисляли людей, которых он выдал»³. Ему казалось, что они уже казнены. Старший конвоир, тезка Мандельштама, добрый парень Ося говорил Надежде Яковлевне:

— Да успокой ты его! Это только в буржуазных странах за стихи расстреливают.

А осужденный постоянно, неотступно ждал расправы, назначал час: «Сегодня в шесть...» Жена тайком переводила часы.

Он не выдержал: уйти из жизни самому показалось легче, чем от чужой руки...⁴

Вот мы стоим у входа в местную больницу, ту самую, из окна которой выбросился летом 1934 г. психически заболевший Мандельштам. Так холодно, сыкоотно и неприютно, что невозможно заставить себя выйти из теплого «пазика», на котором мы приехали⁵...

*Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник...*

На сохранившемся фото из следственного дела у Мандельштама измученный, но гордый, абсолютно несломленный вид, он смотрит как бы сверху вниз.

Вспоминаю эту фотографию, читая слова другого поэта, причастного к этой земле. Василь Стус, украинский поэт, заключенный лагеря Пермь-36, почти полвека спустя: «Главное — уметь держать голову. Даже когда она не держится на плечах...»

Пермь-36 — еще одна достопримечательность Пермского края, которую мы хотели непременно посетить. Сегодня это музей, созданный на территории лагеря, существовавшего относительно недалеко от Перми с 1943 по 1988 год. В 1972 году этот лагерь был превращен в самый суровый на территории СССР: там отбывали срок наиболее опасные, с точки зрения государственных органов, политические преступники. Читаем сохранившуюся выцарапанную на стене надпись: «В этой могиле мы умирали трое суток и не умерли...» Сколы на низком потолке, на стенах: отчаянная попытка оставить после себя хоть какой-то знак. И тут, и в пока не восстановленном аппарате до сих пор лежат человеческие кости, пробитые пулей черепа. Кости повсюду: под разбитым полом, во дворе. Стоит начать устраивать какую-нибудь цветочную клумбу, и...

Сколько таких монастырей по стране! Я помню, пару лет назад мы были в прекрасном, благоустроенном монастыре во Владимире, где покоятся мощи св. Афанасия (Сахарова). Один из монахов нам рассказывал, что когда стали восстанавливать монастырь, обнаружили в его подвалах тюрьму в несколько этажей и расстрельные камеры. Самые нижние этажи просто сразу залили бетоном... А сверху вот — храм во всем великолепии... Православные спасаются! Какая святость взойдет на такой почве?..

Конечно, можно не думать, не вспоминать. Милая, приветливая женщина за ящиком Свято-Троицкого монастыря, всячески готовая нам послужить, честно созналась, что, работая тут, никогда в эти подвалы не спускалась. Но люди, но лица неизбежно несут на себе отпечаток того, что скрывается в глубинах, в которые мы отказываемся заглянуть, запечатывая — для верности — наше прошлое бетоном.

Еще один пункт нашего путешествия — город Березники. Наверное, он не один такой в нашей стране, не самое худшее место на свете. Но на меня он произвел совершенно гнетущее впечатление. Именно здесь, даже не на Соловках, как я раньше думала, начиналась история ГУЛага: Березниковский комбинат, еще до СЛОНа, строили заключенные. Лишь потом вокруг него возник город. Серое небо, однотипные дома-коробки, советские лозунги, не один, а три уже теперь химкомбината. Нам сказали, что две трети мужского населения Березников так или иначе отсидело срок. Процветают алкоголизм и наркомания. Как выразился один молодой человек-березниковец, «днем заработал денги — вечером пошел спус-

тил, вот и вся жизнь». Через короткое время после приезда возникает ощущение, что задыхаешься — возможно, не обманчивое. Мы видели множество, толпы погибающих людей, и не только в Березниках.

Вечер накануне нашего отъезда в Москву. Место действия — все то же: Березники. А точнее — скромная местная спортшкола, в которой мы ночевали в двух тесных, душных раздевалках. В маленький зальчик, по соседству с которым в спортзале народ продолжал гонять футбольный матч, к 7 часам стал собираться народ. Один из нас был родом из этих мест. И вот собрались какие-то его знакомые, нам неизвестные, не пожалевшие времени для встречи с заезжими москвичами. Как выяснилось по ходу, состав собрания получился невероятно причудливый: православная молодежь из единственного в городе храма и не-молодежь из него же, один немец-баптист, проживающий в Германии, но родом из Березников, один местный пастор-евангелист, два студента из Московского авиационного института. Ну и все мы, православные христиане из Москвы, совершающие поездку по Пермскому краю. Сначала завязался нешуточный спор. О том, что такое память, покаяние. Мы пытались рассказать, зачем мы сюда приехали. О том, что все мы не можем не нести ответственности за страшные злодеяния, совершенные на нашей земле, и о том, что мы не хотим, чтобы они повторились. О Церкви, о Боге, о том, зачем нам оглашение, просвещение, община. Беседа некоторое время еще продолжалась в маленьких кружках. Но пик, но самый великолепный момент настал позже. Самое удивительное произошло, когда мы достали несколько банок сайры и замесили наше дежурное блюдо — порошковое картофельное пюре, когда мы пригласили наших новых друзей разделить с нами наш ужин, и они не отказались. Все споры вдруг улеглись. Баптист перестал доказывать, что православные не знают истинного покаяния, евангелист — рассказывать, как правильно устроен у них христианский брак, а православные — обвинять в гордыне всех, кто вздумал что-то читать. Настала тишина, совершенно удивительная тишина, такая, что было страшно ее нарушить — лишним словом, даже лишним движением. И в этой тишине студенты-москвичи стали благодарить, что их позвали на эту встречу с нами-москвичами. Баптист рассказал о себе, о бедствиях своих родителей-немцев, насильно угнанных в эти края. Евангелист рассказал о том, как он, алкоголик, отсидевший срок, едва не погиб и начал жить заново благодаря вере. Молодой человек, почти слепой, особо ничего не рассказал, только то, что он ходит в храм, и вот там, кажется, появился еще один слепой прихожанин, и он рад и для него подготовил диск. Слова не очень запомнились, запомнился его облик: он весь внутренне тихо светился! Наконец, еще один православный молодой человек произнес целое слово о любви Христовой. Я не надеюсь здесь его передать. Он говорил так, как могут говорить только очень простые и очень верующие люди, явно сам удивляясь, откуда эти слова берутся. Это было небольшое собрание воскресенных людей, тайная вечеря воскресенных (или только еще начинающих воскресать?), с картофельным пюре в пластмассовых тарелочках...

«Наше гнездышко — на Кресте», — говорил еще один знаменитый сиделец здешних мест, архимандрит Таврион (Батозский).

Мы вспоминали его в течение всей нашей поездки. В 70-х гг. он был духовником Спасо-Преображенской пустыньки под Ригой, известной сотням паломников, которые приезжали к отцу Тавриону из Москвы, Петербурга и множества других мест, где он ранее отбывал заключение, ссылку или служил. Однако до 1936 года он считал себя клириком Пермской епархии, в 1927—29 гг. был настоятелем Вознесенской церкви в Перми, а в 1930—33 гг., после своего первого ареста, строил Березниковский химкомбинат: «28 октября 1929 года архимандрита Тавриона арестовывают. Предъявленное обвинение — антисоветская агитация. Своей вины батюшка не при-

знал и, более того, объявил голодовку, требуя восстановления законности. Власть были озабочены, нечасто приходилось им иметь дело с таким решительным отпором. Система тотального подавления еще только раскручивалась и давала сбои. Так произошло и на этот раз. Обвинение в антисоветской агитации в 1937 году означало бы высшую меру наказания — расстрел, однако тогда отец Таврион был приговорен к «отбыванию трудновинности как военнообязанный, на строительстве Березниковского химкомбината» (из автобиографии)⁶.

В одной из проповедей в храме на Светлой седмице 1976 года арх. Таврион говорил своим прихожанам: «Были такие минуты: везешь тачку, нет никаких сил, а вместе с тем падаешь на колени и говоришь: “Слава Тебе, Господи, в дни Твоей Пасхи я тащу эту тачку! Какой я счастливый, как счастливы родители, которые дали мне жизнь, и я за Христову правду, за Церковь, за Слово Божие, за жизнь христианскую так умираю здесь!” И какая внутренняя духовная радость! Что вы думаете, только здесь можно переживать Пасху? Может быть, в тюрьме, где-нибудь под нарами еще торжественнее, или в ссылке в какой-нибудь выкопанной живой могиле...»⁷

Через три года после этой проповеди о. Тавриона в Пермь-36 окажется Александр Огородников, который сегодня вспоминает о тюрьме как о школе жизни, школе молитвы, потому что, несмотря на страдания, «вся радость — там, и слезы — там; всё, что я имел, не стоит секунды этой радости...»

Березники, серый, мрачный зековский город, стал высшей точкой нашего путешествия. Нам рассказали, что не так давно здесь целый квартал ушел под землю: провалился в отвал, в пустоту, образовавшуюся в результате добычи сырья для химкомбината. Но храм, единственный в этом немалом городе с 250-тысячным населением, продолжает стоять. Почти на краю, над бездной (власти не хотят брать на себя расходы по его перенесению). Устоит ли он? Устоит ли наша церковь? Слишком много в ее основании страшных подвалов, в которые и церковь, и общество бояться спускаться. Но тут есть странный парадокс. На забетонированных костях расстрелянных не растет святость. Но кровь новомучеников, от первых строителей Березниковского химкомбината и заключенных Соловков до последних узников Пермь-36, есть семя Церкви. Вернее, может им стать, если их голос будет нами услышан, опыт усвоен.

Ольга Сушкова

Память о новомучениках

Окончание. Начало на с. 1

молодежи. В своем докладе прихожанин Никольского храма г. Шарьи Костромской области В.П. Овчинников отметил, что «о новомучениках нельзя писать как о минералах или бабочках, бесполезно сохранять память об их именах, если у нас не будет любви к этим людям».

В дискуссии на эту тему М.И. Зельников отметил, что без практического усвоения нашей церковью опыта новомучеников и исповедников «их имена в календаре будут оставаться абстрактными, а память о них будет бесплодна и не сохранится в будущих поколениях». Прот. Владимир Сорокин подчеркнул, что нельзя превращать память о новомучениках и исповедниках ни в очередную «развлекательную» тему, ни в какой-то «культ страданий». Он отметил, что «надо обязательно говорить о том, за что именно они шли на страдание... В XXI в. нельзя ограничиваться одними красивыми словами».

Все важные вопросы, поставленные на конференции, заслуживают общецерковного обсуждения. В дальнейшем планируется выпуск сборника материалов конференции.

Информационная служба СФИ

¹ В известном, опубликованном списке — «тараканы смеются усяща».

² Шенталинский В. Рабы свободы. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 303.

³ Во время следствия, в ходе которого, несомненно, применялись пытки, Мандельштам назвал нескольких человек, которым читал свое стихотворение. Из девяти названных трое в разное время были репрессированы, один из этих троих расстрелян, но лишь четыре года спустя.

⁴ Там же. С. 314-315.

⁵ ОГПУ испугалось. 10 июня ОСО пересмотрело дело, и Мандельштам был из Чердыни отправлен в ссылку в Воронеж. Жить и творить поэту оставалось четыре с небольшим года. В мае 1938 г. он будет вновь арестован и погибнет от голода и холода в пересыльном лагере под Владивостоком в конце декабря того же года.

⁶ Вильгерт В. Вся жизнь — Пасха Христова. М.: Отчий дом, 2001. С. 18.

⁷ Там же. С. 19.